3-й ГОД ИЗДАНИЯ № 23

СМЕХАЧ

АВГУСТ 1925 Ленинград, Просп. Володарского, 53-а. Ред. тел. 5-49-78, конт. тел. 1-68-80 Цена 25 коп

ОПАСНЫЙ ПАРТНЕР

Рис. Н. Радлова

Шахматная делегация ВЦСПС не смогла выехать во Франкфурт-на-Майне, так как до 25 июля немецкое посольство не соблаговолило дать разрешение на въезд в Германию, а шахматный турнир начинался 25 июля.

Король: Батюшки, красные лезут! Не видят, что-ли, что здесь только черные и белые...

„МИР ДОМУ СЕМУ“

Эмигрантские разногласия. Созванное с целью объединения собрание русских монархистов не привело ни к каким результатам, в виду того, что не удалось добиться соглашения между сторонниками Николая Николаевича и Кирилла Владимировича.

Рис. А. Р.

Роман(овы) в 2-х главах

ПОСЛЕДНЯЯ НОТА АНГЛИИ

И солнце светило, как всегда, и небо голубело по обыкновенному, и в Охотном ряду, как много тысяч лет тому назад, продавали жареных кур и недозрелые яблоки в тот день, когда в московской вечерней газете появилась следующая заметка:

Нынешним летом отделом благоустройства ведутся, под наблюдением Главнауки, работы по ремонту и реставрации Китайгородской стены между Ильинскими и Варварскими воротами.

Повторяем: день был самый обыкновенный, как вчера, как сегодня и каким он будет через двести лет, когда нынешние читатели „Смехача“ будут уже в преклонном возрасте (чтение „Смехача“, как уже установлено наукой, сильно способствует долголетию. Слоны, например, живут 400 лет).

Между тем, корреспондент английских газет мистер Фунт Шилинг навострил уши, взял в руки глаза, открыл все запасные клапаны в носу и стал прислушиваться, приглядываться и принюхиваться.

В результате этой работы, в английских газетах на второй день появилась следующая телеграмма из Москвы:

„Из достоверного источника нам известно, что Правительство СССР отпустило огромные суммы (около триллиона червонцев золотом) на восстановление и укрепление знаменитой китайской стены.

Работы ведутся лихорадочно под руководством знаменитого инженера Главнауки и под личным наблюдением Карахана. Укрепляется громадное пространство на расстоянии 10 тысяч верст между воротами Ильинскими“ (названные в честь Ильича) и, Варварскими“ (названы так, потому что через них входили варварские полчища Темерлана.

Находящийся сейчас в Москве инженер Главнаука в беседе с вашим корреспондентом ничего не сказал, но из его молчания было видно, что это угроза Англии и всему цивилизованному миру и что тут работает тайная рука Коминтерна“.

Англия встревожилась не на шутку. Тревога в этой честной стране лордов еще усугубилась после полученных известий из Китая.

Тайные агенты полиции и явные корреспонденты английских газет (что в сущности одно и то-же) сообщали, что Карахан ходит по улицам не иначе, как верхом на лошади и окруженный стодюймовыми пушками, дула которых обращены на английское посольство.

На запрос английского министра иностранных дел Наркоминдел ответил:

„Действительно, приступлено к реставрации стены, но не китайской, находящейся в Китае, а Китайгородской, находящейся в Москве. Главнаука не инженер, а учреждение. Ваш корреспондент дурак“.

— Хитрят!—многозначительно сказал Черчиль:—хитрят и что-то скрывают. Нельзя им верить.

Поводом к недоверию послужило еще поведение английских рабочих. В одно прекрасное утро в рабочих кварталах Лондона появились плакаты, на которых было написано:

„Мы вполне присоединяемся к мнению Наркоминдела и Наркомздрава СССР, высказанного по отношению корреспондентов английских газет.

Необходимо было принять экстренные меры. По старым традициям английских лордов, нужно было немедленно послать флот „самый лучший в мире флот“, и поднять пальбу на весь мир.

Но лорды не совсем были уверены в том, что английские матросы, которые сыновья крестьян и рабочих, станут палить в страну, где власть находится в руках крестьян и рабочих.

Попробовали вооружить другие народы, чтобы бросить их на СССР. Но „другие народы“ взяли оружие и деньги, сказали „спасибо“, но в поход не пошли, ибо солдатики „других народов“ оказалась также рабочими и крестьянами, и уверенности в том, что они будут стрелять в рабочих и крестьян СССР, тоже не было.

Пригрозили финансовой блокадой, но тут даже самый невинный младенец Англии—Макдональд, понял, что объявить блокаду народу, который имеет хлеб, железо, шерсть, сахар, фрукты, скот, уголь и даже золотые россыпи—не совсем практично.

Блокируемый будет кушать на здоровье хлеб с маслом и считать золотые монеты, а у блокирующих будут слюнки течь.

Положение получилось трагическое. Как выйдет из него Англия, трудно сказать. Есть слух, что Англией готовится СССР новая нота, которая гласит: „Королевское Правительство требует от Правительства СССР в течении 24 часов плюнуть на все угрозы Королевского Правительства и забыть все ноты, посланные нами вам в течение последних лет. В противном случае мы объявим вам новую отечественную войну“...

Есть слух, что это требование не будет исполнено теперь СССР, ибо... то, что потребует Англия в вышеназванной ноте, уже было сделано раньше...

Оль

ЗЕЛЕНОЕ ПОЛЕ

В одном из клубов умер за игорным столом, после сорванного банка, член коллегии правозащитников М.

Купил к пятерке. Стало: три.
Сосед, смеясь, сказал:—Калека!
И что-то порвалось внутри.
И все. И нету человека.

Нужда? Растрата? В чем секрет?
Ведь вот—дышал и жил давно-ли?
Ах, как наивен глупый бред
И сказки о „зеленом поле“!

Оно — з е л е н о е? Нет! Нет!
Ему-то грязь совсем не внове—
Засаленному от монет
И бурому от пятен крови.

Оно влечет к себе, губя,
И выжигает жизнь страстями...
—„О, поле, поле, кто тебя
Усеял мертвыми костями?“

д'А.

МЕСТЬ

В больших городах СССР замечается систематический сбыт фальсифицированных и недоброкачественных продуктов рыночными торговцами и,—как ни странно,— Магазинами Госучреждений (Моссельпром, Трудсоюз и др.). (Из газет)

Если б дали мне власть диктатуры,—
Я построил бы, миру в пример,
По законам новейшей культуры
Оборудованный диспансер.
Заведенье особого сорта
И с особенной целью—заметь,—
Где, средь всяких удобств и комфорта,
Можно жрать, отдыхать и толстеть...
Тут-то кроются тайные узы
И утонченно-злобная месть:
Всех, засевших тепло в „трудсоюзы",
На диету заставил бы сесть.
Поощряя в стране скотоводство,
До отвалу кормил бы я их,—
Но... продуктами их производства,
Но изделиями их мастерских.
Не угодно-ль колбаски? иль сыру?
Молочка, ветчины, творогу?—
И спевался-б, подобно вампиру:
— Что, не можешь!.!! А я-то могу?!
Затошнило? В кишечнике плохо?
Не едали того отродясь?!
Поглотайте-ка палочки Коха
И иную микробную мразь!.
И смеялся бы желчно на это,—
Я,—любивший дары от земли...
Вот меня, трудового поэта,
До чего довели!

Дм. Цензор

СЕКРЕТ КИРПИЧА

Доктор Идейкин, известный ученый и исследователь старины, читал в Медицинском Обществе доклад на тему: „Уездная медицина в 1925-ом году". Парадный зал Общества был пол н слушателей.

— Всего сто лет отделяют нас от того времени,—начал Идейкин, — но и сами тогдашние врачи, и их лечебные способы представляют для нас недосягаемый идеал. Мы отстали, мы безнадежно отстали! Так, в те замечательные времена нередко одна акушерка обслуживала 10,000 населения, т.-е. проявляла работоспособность в 40 раз бо́льшую, чем нынешние акушерки. При этом, заметьте, ни аэроплана, ни даже автомобиля для объезда участка тогдашним акушеркам не полагалось: они жарили десятки верст верхом на лошади без седла, или на навозной телеге без подстилки. Кто из теперешних медработников был-бы на это способен?

— Зато и население относилось к ним с исключительною нежностью. На проселочных дорогах устраивались заставы из крестьян, вооруженных почетными дубинами, и с криком: „Касторку вверх"! они перехватывали проезжавшего медработника и увозили в свою деревню, где трепетно ожидали больные—нередко по целым неделям. Надо полагать, что в тогдашних кино видовая, сильно комическая „Охота на врачей" пользовалась не меньшим успехом, чем знаменитая „Ловля блох в Норвегии". Если подстерегаемый врач неожиданно сворачивал на другой тракт, то за ним снаряжалась погоня, его отбивали и с триумфом отвозили к себе. Порой больные были так деликатны, что умирали за месяц до такого появления врача—лишь бы не причинять ему хлопот. Нам о таком трогательном отношении и мечтать не приходится!

— Наряду с врачами тогда были в ходу ротные фельдшера: повидимому, это были особо ученые целители, ибо они занимали очень серьезные посты. Так, ротные фельдшера заведывали в Гдовском уезде пятью лечебными пунктами из семи. У этих гениальных мужей были собственные врачебные методы: они лечили больных тертым кирпичом и настойкой из березовых почек, а лекарства, присылаемые им из центра, обычно, продавали. Таким образом, на своих пунктах они развивали не только медицину, но и торговлю, и кирпичную промышленность. К сожалению, установить подробности лечения тертым кирпичем не удалось: полагаю, что это средство применялось при каменной болезни. В те времена уездным врачам для лечебных целей присылался спирт. И вот, иные врачи делали из спирта перцовую настойку и самоотверженно выпивали ее, чтобы только не приучать населения к алкоголю. „Вы, нынешние, ну-тка!"

— Уездный врач тех изумительных времен не был узким специалистом, но, как всеобъемлющий гений, знал все и лечил все болезни, в том числе и зубные. Кого не охватывает дрожь в современном кабинете дантиста, при виде стальных инструментов, этих холодных, неумолимых орудий? Уездные врачи в 1925-м году были гуманнее, они не пугали своих пациентов, у них нередко и не было вовсе щипцов. Нет! они работали интимно, уютно, по хорошему. Обвяжет больной зуб дратвой, упрется ногой в живот пациента—и тянет за конец, что есть мочи. Смотришь,—через каких-нибудь 30—40 минут крестьянин отлетает в одну сторону, зуб—в другую, а врач, этот добрый сердечный труженик—падает на пол. Конечно, операция протекала бы несколько быстрей, если бы за дратву тянул не врач, а трактор в 28 сил: но тракторы тогда еще были редкостью. „Ногой к пузу"!—так я назвал бы этот метод применительно к ходовому тогдашнему лозунгу „Лицом к деревне!"

— Таковы были уездные врачи и уездная медицина в 1925-м году!—заключил Идейкин.— Какое падение науки с тех пор, какое измельчание медработников! Я кончил.

— Лучше бы вы и не начинали!—воскликнул председатель общества.—Слышите? Ни одного хлопка! Ваш доклад возмутителен! Мы знаем, что вы помешаны на старине, что, по вашему, прежде все было лучше, чем теперь, в 2025-ом году, но зачем-же так сочинять? Зачем такие выдумки? Вы смешали наше солидное ученое Общество с клубом охотников: там ваше вранье было бы уместнее!

Идейкин вынул из портфеля несколько пожелтелых газетных листов.

— Вы ошибаетесь!—отвечал он с убийственной иронией.—Я не прибавил ни одного слова к тому, что напечатано в отчетах о Ленинградской конференции медработников 1925-го года. И не моя вина, если вы так постыдно отстали от ваших прадедов и безвозвратно потеряли их лошадиную трудоспособность и их секрет толченого кирпича и добродушной дратвы. Я утешаюсь только тем, что вы нашли бы их опять, если бы очутились в обстановке того времени.

Скит

ПРИЯТНОЕ С ПОЛЕЗНЫМ

(В порядке дискуссии)

До сих пор среди водников не изжит обычай татуировки.

Рис. Бродаты

— Митька, что это у тебя нарисовано на спине?
— Ишь ты, несознательный! Не видишь?—спингазета на неделю.

МАРОЧНАЯ СИСТЕМА

Рис. А. Юнгера

Ленинградский Округ Связи устанавливает почтовые ящики и открывает продажу знаков почтовой оплаты во всех больницах.
(„Н. В. Г.", 96.)

— Граждане! Разрешите тифозному вне очереди марку прикупить!..

„НОЧЬ. ЛУНА. ОН И ОНА"...

„Если раньше парень, встретившись с девушкой, вел с ней разговор о луне и звездах, заканчивая обычно поцелуями в укромных местах, то они теперь уже говорят о новостях дня, о работе различных комиссий и т. п.".
(Ст. Деповка, Ю.-З. Рабкор „Рожок".)

Итак, пускай круглится мелко-буржуазная луна и верещат кузнечики,—Серега Пазухин на них—нуль внимания, килограмм презрения.

Серега Пазухин деловито смотрит на стрелки часов, поблескивающие под лунными лучами и размышляет:

— Чорт! Баба—баба и есть. Сказала: ровно в 10 на скамье у забора. А теперь уже четверть одиннадцатого. Вот возьму—встану и уйду.

Серега Пазухин прячет часы и устраивается плотнее на скамье.

О чем думать? Чем заполнить тягостное ожидание?

Но вот за кустами хрустнул песок, вот мелькнуло белое пятно.

— Танюша!

Серега Пазухин срывается с места готовый бежать навстречу, но остается стоять и вынимает часы.

Еще несколько секунд (секунд-ли? они почему-то ужасно длинные)—и Танюша Скворцова, радостная, в белом платье и красной косынке, улыбающаяся, стоит рядом.

— Вот и я!

— Вот и вы!—говорит Серега, приближая часы к её лицу:—17 с половиной минут опоздания, товарищ Скворцова. Нужно приходить аккуратно к началу. Объявлено, кажется, ровно в десять?

Танюша заливчато рассыпается смехом. Ах, чорт дери,—что это за странный глубокий грудной смех! Ужасно действует на нервы делового человека...

— Вам всё—смешки!—ворчит Серега, пряча часы:—А между прочим, у женщин особенно—опоздания и неявка входят в систему дня. Возьмем, например, вчерашнее собрание ячейки... Чего вы, между прочим, стоите? Садитесь, товарищ Скворцова.

Оба товарища садятся на скамью—о, нет! не рядом—места много: она—на освещенном конце, он в тени.

— Так вот, возьмем вчерашнее собрание...—продолжает Серега:

— Кого нет? Смагиной, Ивановой, Егорушкиной и, конечно, само собой понятно, Скворцовой... А собрание, между прочим, важное...

— Я, кажется, привела уважительные причины...—певучим голосом говорит Танюша Скворцова и смотрит прямо на разъясненную луну.

Ах, что за странный свет на лице! Как изумительно горят глаза!... И почему такой певучий голос? Как будто нельзя говорить просто, как все.

— Ерунда—ваши уважительные причины—храбрится Серега:—Отговорки! Женская отсталость и больше ничего... Я, собственно, позвал вас, чтобы как раз информировать о вчерашнем собрании, по вопросу о...

Он косится на Танюшу, мечтательно обращенную лицом к луне.

— Что вы всё смотрите на луну?

— Ничего. Я вас слушаю, товарищ.

— Женская манера! Нельзя сразу два дела делать: или луна, или... текущие вопросы... Оторвитесь, пожалуйста, от луны!

— Ах, она такая чудная... Смотрите,—и нос, и глаза... Как будто даже улыбается...

— Предлагаю немедленно отодвинуться в тень. Луна, между прочим не включена в повестку и нечего на ней задерживаться... Луна, как луна...

Танюша покорно передвигается в тень, и теперь она сидит—рукой подать от Сереги. Теперь лица не видно, но зато ужасно близко оказалась полная белая рука и—что это? Паутина коснулась его щеки? Нет—не паутина, ей-богу! Вероятно, волосы выбились из-под косынки... Не могут, ей-богу, коротко стричься!.. Вот возьму и встану...

Пока Серега обдумывает создавшееся положение, где-то совсем близко заворочалась и начинает петь пичужка.

— Перехожу к информации по вопросу о хозобрастании...—решительно говорит Серега и сейчас же чувствует, как мягкая ладонь зажала ему рот.

— Тсс... тише, товарищ, — шепчет Танюша: — Соловей... Слышите?

Серега хочет вскочить, хочет крикнуть, что на очереди хозобрастание, и что соловей лишен права голоса.

Но рука—она все еще на губах, она почему-то словно прилипла к его губам... Он молчит, боясь шевельнуться.

Только бы не послышался над ухом голос:

— Товарищи! На скамье просторно, а вы жметесь. Это-ж не гигиенично.

Ив. Прутков

РЕШИТЕЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА

Под влиянием самоосуждения,
Отравиться решила Елена Львовна.
Но, приняв во внимание свое происхождение,
Она отравилась...... условно.

М. Тименс

УЧЕНЬЕ ВПРОК

Французы вместе с кабиллами сражались на германском фронте.
(Историческая справка)

Рис. Л. Бродаты

Фр. офицер: Ты должен пощадить меня: вспомни, как мы, вместе с тобой, сражались против немцев...
Кабилл: Да, но ты сам учил меня не щадить неприятеля.

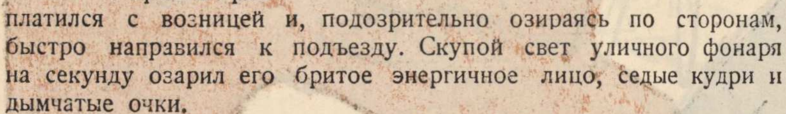
НЕУЛОВИМЫЙ ПРОФЕССОР

(Авантюрный рассказ. Иллюстр. Н. Р.)

Уголовная ночь зловеще повисла над Москвой. Моросил подозрительный дождь. Гробовой свет редких фонарей плескался в жутких лужах. Запоздавшие прохожие, кутаясь в макинтоши, как бледные трупы, бесшумно скользили по тротуару. Часы на Сант-Лубянской площади замогильно пробили двенадцать.

— Пусть меня повесят, если неуловимый профессор с минуты на минуту не появится на горизонте,—пробормотал незнакомец, притаившийся за выступом стены у подъезда мрачного серого дома,—надеюсь, на этот раз ему не удастся улизнуть от меня... Ба, а вот и он!

И действительно. Послышался стук извозчичьей пролетки. Экипаж остановился у подъезда. Сухощавый сгорбленный старичок расплатился с возницей и, подозрительно озираясь по сторонам, быстро направился к подъезду. Скупой свет уличного фонаря на секунду озарил его бритое энергичное лицо, седые кудри и дымчатые очки.

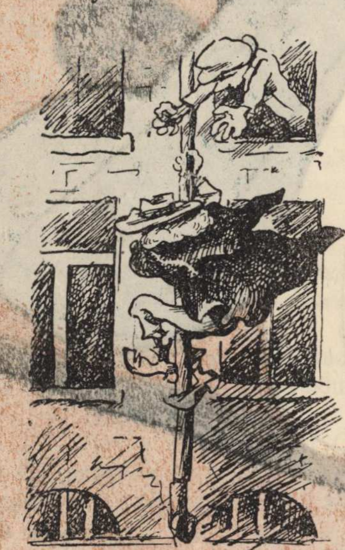

— Простите, профессор, но я должен вас задержать,—ледяным голосом проговорил незнакомец, как тень появляясь перед профессором. В голосе его зазвенело плохо скрытое торжество.

— Что вам угодно?—вздрогнул профессор.

Не говоря ни слова, незнакомец распахнул пальто и показал профессору небольшую книжечку.

Лицо профессора исказилось. Глухой стон вырвался из его преступного горла... И прежде, чем незнакомец успел исполнить свой долг, профессор в один прыжок очутился в подъезде и косой рысью бросился вверх по лестнице, подобравши полы своей крылатки. Наскоро испустив вопль, незнакомец кинулся вслед за ним. Массивная дубовая дверь во втором этаже захлопнулась перед самым его носом. Очевидно, профессору и на этот раз удалось избежать кары. Но не такой был человек незнакомец, чтобы унывать. Не медля ни минуты, он наклеил черные усы, вывернул наизнанку пальто и вежливо позвонил.

— Кто там?—послышалось из-за двери.

— Телеграмма,—сказал хитрый незнакомец густым басом.

Дверь растворилась. Незнакомец ловким движением левой ноги расчистил свой путь от престарелой экономки и ринулся в кабинет профессора. Кабинет был пуст.

— Проклятие!—Захрипел незнакомец.—Но я знаю, где тебя найти!

Через пол-секунды он уже громил кулаками двери уборной, за которыми слышалось старческое кряхтение.

— Вы здесь, профессор!—воскликнул незнакомец.—Скрываться дальше бесполезно. Сдавайтесь!

— Не сдамся, — пискнул за дверью профессор. Зазвенело разбитое стекло. Размахивая книжкой, незнакомец взломал дверь уборной.

— Проклятие!—прохрипел он;—ему удалось улизнуть в окно.

Профессор, кряхтя, спустился по водосточной трубе вниз и, дико озираясь по сторонам, кинулся во мрак.

— Остановитесь!—загремел за его спиной голос незнакомца.

На углу стоял мотор. Профессор вскочил в него и сунул в нос спящему шофферу червонец.

— Куда нибудь!.. Только, как можно скорее!.

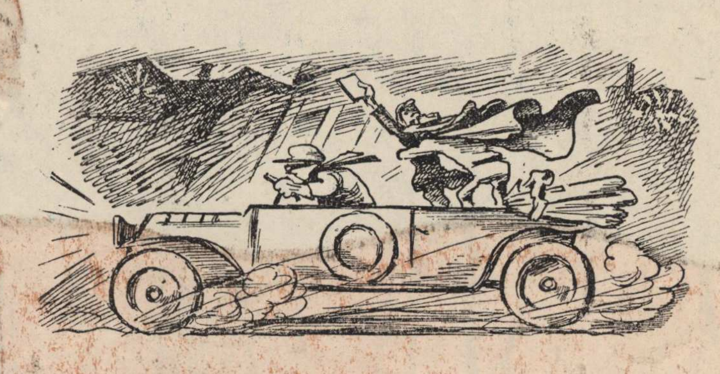
Машина рванула.

Незнакомец успел вскочить на подножку. Он демонически захохотал, протягивая профессору книжку:

— Профессор, выслушайте меня. Все равно, ваша песенка спета...

А машина, как безумная, уже неслась по Петровскому шоссе прямо к аэродрому. Два человека боролись в ней не на жизнь, а на смерть. Еще момент, и профессору пришлось-бы сдаться, но...

Мутный рассвет загорался над аэродромом, куда влетел задыхающийся автомобиль. Четырехместный „Юнкерс“ готовился

к отлету. Профессор напряг все силы, вырвался из стальных объятий незнакомца и уцепился за аллюминиевое крыло улетающего аэроплана. Через секунду он уже был в кабине. А еще через пол-секунды в окно кабины просунулась голова незнакомца, который сардонически захохотал:

— Профессор.... Мы находимся на высоте двух тысяч метров над землей... Ваша песенка спе...

Профессор покрылся смертельной синевой и кинулся к противоположному окну.

— Нет, нет,—забормотал он:—никогда!..—С этими словами он схватился за кольцо парашюта и кинулся вниз головой. Он летел камнем. Сознание покинуло его. Очнувшись, он увидел, что над его головой распускается гигантский спасительный зонтик.

— Наконец-то я спасен,—пробормотал профессор, плавно покачиваясь в воздухе.

— Хорошо смеется тот, кто смеется последним,—послышался снизу чей-то иронический голос.

Профессор посмотрел вниз и побледнел: незнакомец плотно держался за его штаны.

Бежать было некуда. Профессор понял, что все кончено.

— Хорошо,—сказал он,—будь по вашему. Я сдаюсь. В нашем распоряжении, по крайней мере, полторы минуты... Что у вас там?

— Органическая химия, товарищ профессор, — пролепетал незнакомец, подобострастно улыбаясь.

— Готовились? — строго спросил профессор.

— Готовился, — заморгал глазами незнакомец,—честное слово... Все лето... И ребята могут подтвердить... как перед богом...

— Гм. Ну, верю вам на слово... Давайте сюда зачетную книжку... Только, ради бога, не сорвитесь... Где это моя автоматическая ручка?.. Вероятно, обронил. Ну, ничего, я вам отмечу карандашем.

Профессор взял в зубы карандаш и поставил в книжечке незнакомца против органической химии зачет.

— Мерси,—скромно сказал незнакомец.

Парашют медленно опускался на землю, где уже виднелась большая и шумная толпа студентов, приветствующая неуловимого профессора восторженными криками. Над головами мелькали зачетные книжки.

Валентин Катаев

С ТОГО СВЕТА

— Вы верите в переселение душ?

— Не-е! А вот в выселение душ верю, как наш управдом семью в 5 душ выселил.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Рисунки А. Гадакова

В связи с усилением эпидемии бешенства, предполагается издание специальной брошюры для ознакомления населения с признаками бешенства, способами его лечения и средствами борьбы с ним.

— Кажется, бешеная собачка? Не волнуйтесь! Первое в борьбе с бешенством—спокойствие, спокойствие и спокойствие! Вот я сию минуту брошюрку извлеку...

— „Каких собак следует считать бешеными?“ Нет, это не то!

— „Как оберечь здоровую собаку от заражения?“ Очевидно, дальше!

— „Излечимо-ли бешенство?“ Гм! Суть, собственно не в этом...

— „Почему в Зап. Европе нет эпидемий бешенства?“ Ах, чорт!

— „Если на вас нападет бешеная собака...“ Ага! Наконец!!

ТОЧНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

— Эх, скучно как! Ежели так к вечеру будет, пойду с женой туда, куда Макар телят не гонял!

— Куда же?

— В киношку.

ПОЧЕТНЫЙ ГОСТЬ

— Я в кинематографе весь сеанс простоял.

— Почему?

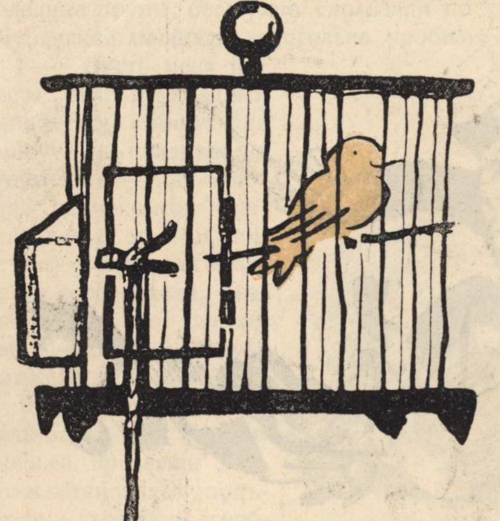
— Администрация, при виде меня, так обрадовалась, что не знала, куда меня посадить.

... „АХ, ПОПАЛАСЬ, ПТИЧКА, СТОЙ!..“

(Детская песенка)

Гр. В., в Ленинграде, задолжал 150 руб. Судебный исполнитель не найдя лишнего имущества, подлежащего описи, описал... канарейку. (Хроника).

Рис. Н. Р.

— Приготовили мы для арестанта зернышек в кулечке, да не знаем, разрешат ли передачу...

КОНЦЕРТ ДИАМАНТОВА

Лошаденку от станции гнали вскачь.
Тридцать верст по проселку—гроб.
Приехали. Деревня. На крыльце избач
Хмурит мужицкий лоб.
Глазом упорно гостей сверлит,
Щупает Митька заезжих франтов,
А бритый с бабой на ступеньках юлит: —
— Позвольте представиться—Базиль Диамантов.
Кабарист, гитарист и король куплета.
А это—мисс Нинетта,
Песни полусвета...
Рекомендации политпросвета!!..
Диамантов потряс кулаком,
А в кулаке—бумажек с полсотни—
Аттестаты, отзывы о чуде таком,
На одной—Волком, на другой—Реперт-ком—
Поглядел Митька дурак-дураком
И отдал избу в день субботний.
Надвинулся вечер. Небеса были сини.
Милицейский оправил наган в кобуре.
Безмозглые козы тетки Аксиньи
Съели афишу „Консерт-Кубурэ“.
Утраты плаката не чуяла касса.
Диамантов разгладил морщину на лбу:
Ровно в восемь середняцкая масса
Ввалилась в избу.
Начали.
Помавая фалдами фрака,
Раскрывши в улыбке пломбированный рот,
Диамантов пропел о ненужности брака,
С Мисс Нинетт под гармошку исполнив фокстрот.
Крякнул дядя Семен, подтолкнув Степаниду:
— Нешто—танец? Лежали-б вместях на печи!
Степанида возьми и ударься в обиду:—
— Ишь умник нашелся, молчи!
Áктеры прибыли нежданно, негаданно—
Сидел народ, пропахший навозом,
Землей, коровником, мужицкой страдой,
А Нинетта вопила! „Отдайтесь розам“,
„Ваши пальцы пахнут ладаном“,
„Ахмет молодой“!

. . . .

Били или нет
Базиля и мисс Нинетт?
Митька-избач не дождался финала,
Пробрался на крыльцо и пошел прочь:
— Надул, дьявол, чтоб тебя разорвало!..
Пригрозил городу и плюнул в ночь.

Александр Флит

В СТОЛОВОЙ

— Как вам не стыдно каждый раз брать чаевые? Ведь вон даже на счете у вас написано: „Чаевые—зло!“

— Ничего-с, мы не злопамятные-с!

НА МОСКВЕ РЕКЕ

— Что за безобразие! Пришли купаться без купального костюма?!

— Как это без костюма: вон он, мой купальный, на берегу лежит, а только мочить его жалко!

НОВАЯ ПОСЛОВИЦА

Куда пиво с горохом, туда и рак с клешней.

ОТПУСК КАНДЕБОБЕРОВА

Я спросил Кандебоберова:

— Ты едешь куда-нибудь в отпуск? Не зевай, брат, лето уже кончается.

— Ехать? В отпуск?—переспросил Кандебоберов таким тоном, точно я просил его—„украдь, пожалуйста, двугривенный из союзной кассы“.

— Друг мой,—ласково напомнил ему я,—сколько мне известно—провести отпуск на лоне пр...

— Знаю, знаю, знаю! Фразы, сын мой! Неет! Я свой отпуск проведу совершенно иначе... Я проведу его у себя, в управлении службы пути.

— Отец мой,—в тон ему я ответил,—я не понимаю.

— Слушай. Мой отпуск начинается 7-го августа. Пониме?

— Эге.

— У нас занятия начинаются в 8.30. Ежедневно, ты это осязаешь, ежедневно, я бываю на месте в 8.28. Ого-го! Аккуратнее Кандебоберова только Кандебоберов! 7-го я приду в 8.45!

— Зачем?

— Ты этого не понимаешь. Куда тебе! Понимай, понимай это! Все, решительно все, придут в 8.30, и один только я в 8.45. Наш управленский курьер Петр Денисыч глянет на меня эдак укоризненно, дескать, гражданин Кандебоберов, времени то 8.45! А я еще больше усугублю.—Здорово,—скажу,—Петр Денисыч, а не знаете ли, Петр Денисыч,—который сейчас час?—Припоздали маленечко, — ответит, — уже 8.45.—Ах, чорт возьми,—воскликну я и влеплю,—а я думал уже девять... И эдак, фертом, пройду в свою комнату. Сяду за стол и эдак демонстративно раскрою „Гудок“. Читать буду.

— Зачем?

— Какой ты бесчувственный! А бухгалтер Димитрий Егорыч на что? Что на лбу у меня написано „я—Кандебоберов, нахожусь с 7-го августа в отпуске“, или он обязан это помнить и без надписи на моем лбу? Конечно, не помнит!—Что это вы, гражданин Кандебоберов, газету как будто читаете?—Почитываю. А разве я мешаю моим товарищам? Я как будто даже листы бесшумно переворачиваю...—Так-то так,—скажет,—но как будто не мешало бы и поработать... А я ему эдак просто: — Зачем, Димитрь Егорыч, работать... Работа подождет. А тут в „Гудке“ очень интересное описание убийства жены за общественную работу.

— Врешь, не скажешь!

БАБУШКИНА СКАЗКА

В Судаке на Лоренцовский пансион был совершен налет бандитов. Пока бандиты грабили взрослых, к детям приставлен был особый страж, который их успокаивал и развлекал.
(„Кр. Газета", 186.)

Рис. А. Радакова

— И вот, миленькие мои, остались от козлика рожки да ножки...

— Скажу, Непременно, скажу! Из-за этого и в отпуск не уезжаю никуда. Ну, конечно, бухгалтер мне—замечание. Выговор мне. Проглочу. Слова не возражу. Сверну газету и будто дела раскрою. И только он уйдет, а я сейчас же в буфет.—Позвольте, мамзель, стакан чаю и два яйца в смятку. И буду есть, есть, есть, пока кому-нибудь на глаза не попадусь. А уж как попадусь, так уж обязательно замечание будет. Уж кто-нибудь из начальствующих да попадется на удочку.—Что это вы, гражданин Кандебоберов, завтракаете в рабочие часы?—А почему бы мне, глубокоуважаемый Николай Михалыч г-н Федюшин, и не позавтракать?—Ну, все-таки, рабочие часы. Работать надо.—Эх,— скажу,—Николай Михалыч, Николай Михалыч, да вы знаете, что во время перерыва будет? Все бросятся в буфет, шум, сутолока, до еды ли тут? А то я часок посижу, и никто мне не мешает... Хи-хи-хи...

— И охота тебе!—вяло бросил я.

— Чурбан ты, брат! Ах, какой ты чурбан! А вечером я буду досаждать охране труда.

— Это как еще?

— Приду вечером в управление, раскрою книги и начну письма к знакомым писать. Сейчас охрана и нагрянет.—Нельзя вечерами работать!—А я разве работаю? И пойдет! И пойдет!..

Долго, очень долго перечислял Кандебоберов все то, что он будет делать во время отпуска.

— Кандебоберов,—уныло спросил я,— неужели тебя все это удовлетворит? Неужели...

— Все знаю, что спросишь! Удовлетворит! Чрезвычайно удовлетворит!

— Да почему? Почему? Открой секрет!

Он вдруг сделался чрезвычайно серьезным и тихо ответил:

— Хорошо. Скажу. Если бы ты только знал, какой я лодырь, и какая это страшная для нас штука дисциплина!

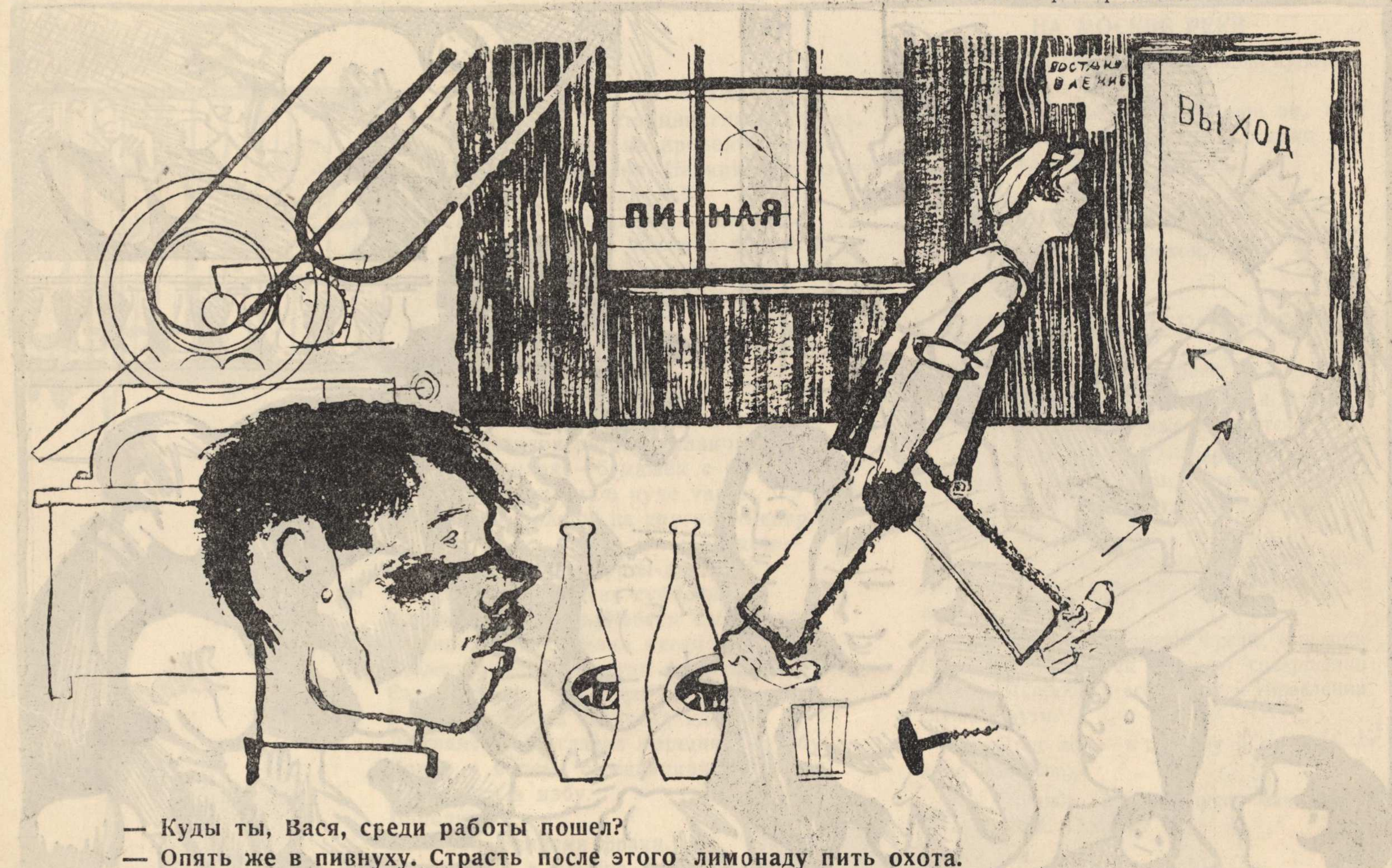
После этого я понял все. Разве это не отдых: хлобыть в привычной атмосфере две недели самим собою?

Евграф Дольский

КЛИН КЛИНОМ

Рис. В Лебедева

Комиссия оздоровления труда и быта при Рогожско-Симоновском диспансере борьбы с алкоголизмом среди рабочих решила снабжать рабочих горячих цехов прохладительными напитками во время работы.

— Куды ты, Вася, среди работы пошел?
— Опять же в пивнуху. Страсть после этого лимонаду пить охота.

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

ДЕЛА ПОЖАРНЫЕ

I.

РАЗЪЯСНЕНИЕ НА ВСЯКИЙ ПОЖАРНЫЙ СЛУЧАЙ

Толковые люди попадаются иногда в советской провинции. Минская газета „Звезда" печатает небольшую корреспонденцию из местечка Бобр:—

В нашем местечке есть довольно неплохая пожарная дружина. Из ее отрицательных сторон надо отметить следующее: в прошлом году дружина решила купить две лошади. С большим трудом было собрано на это дело 260 рублей. На эти деньги можно было свободно купить пару лошадей. Но на эти деньги, как это ни странно, была куплена всего одна лошадь, *при чем, для прокормления ее, был соседнему арендатору продан пожарный рукав.*

На этой лошади разъезжают хозяйственники из пожаркома.

Каменный

Ну, и дела пожарные! На что уж корреспондент—Каменный, а и тот завопил. Но если, товарищи, рассудить хладнокровно, нельзя отказать бобровским хозяйственникам в смётке: зачем зря держать лошадь в пожарном обозе, ежели пожарный рукав давным давно продан?

И можно-ли работать, *„спустив рукава"?*

II.

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

В гомельской газете „Новая Деревня" описан такой скромный факт:—

В п. Климове произошел пожар, причинивший убыток в 35000 р.

Пожар произошел возле самого здания волисполкома и рядом с пожарной, так что пожар можно было скоро же и ликвидировать; но *пожарный, дежуривший на каланче, уснул. И только, когда пламя разгулялось во всю, этого пожарника разбудила поздно гуляющая молодежь.*

К счастью, вышло так, что гуляли вместе: и пламя и молодежь, а то бы загуляло пламя по всему селу, если бы молодежь не загуляла.

А пожарника не мешало бы снять с каланчи: пусть гуляет.

ЗА ДЕСЯТЬ КОПЕЕК!

Десять копеек. Гривенник. Что можно сделать на гривенник?

Вы скажете—купить у мороженщика порцию мороженого и отравиться.

Ах, нет, дорогой читатель, не угадали.

За гривенник можно совершить веселенькое *50-ти дневное путешествие* и получить массу незабываемо-ярких переживаний.

Читайте (газ. „Красный Крым" от 28 июня):

В мае 1924 года сталинская городская милиция получила от керченской окружной милиции переписку, в которой требовалось задержать Ефима Захаровича Терехова и направить его в нарсуд 1 участка г. Феодосии.

Как полагается, Терехова сначала посадили в дом предварительного заключения, а затем этапным порядком доставили в Феодосию.

Доставляли Терехова в Феодосию 50 дней, с 3 февраля до 23 марта сего года.

Кто же такой этот Терехов, почему его арестовали, таскали по этапу 50 дней?

О Терехове мы знаем, что с 1918 года по 1924 он служил в Красной армии, после чего демобилизовался и поступил в сталинский отдел союза грузчиков. А относительно всего прочего мы узнаем из справки, выданной нарсудьей 1 участка г. Феодосии.

СПРАВКА.

Выдана настоящая гр-ну Терехову, Е. З., в том, что судебным приказом от 12 декабря 1923 года таковой за нарушение обязательного постановления НКПС был оштрафован в 10 копеек, но штраф с такого взыскан не был, и гр. Терехов распоряжением Начальника милиции г. Керчи был задержан в г. Сталине и направлен этапным порядком в г. Феодосию, где таковой постановлением нарсудьи 1-го уч. Феодосийского района был освобожден из-под стражи.

Нарсудья Исаенко.

Секретарь Бартенев.

Читатель! Если вы любите дешевое развлечение (ценою в 10 коп.!), не забудьте адрес:

Керчь, н-ку милиции.

А МЫ И НЕ ЗНАЛИ!

Что город—то норов. В Ново-Николаевске на вокзале можно видеть такую вывеску:

Вот поди-ж ты! А мы-то до сих пор были уверены, что у СССР есть свой собственный герб, а не краденая у „Р. Кёлер и К⁰" фабричная марка!

ЗАТЕМНЕНИЕ УМОВ

Корреспондент „Смол. Рабочего Пути" жалуется на затемнение низовых канцелярских голов в уезде. Вот образцы.

> Вот удостоверение, выданное Ширковским сельсоветом, Красненской вол. Смол. у., гр-ке Новиковой.
>
> — „...В настоящее время Новикова находится без всякого экономического иждивения, как беззамужняя и бесхозяйственная. Землей она не наделена за неимением на то технического землеустройства, благодаря чего Новикова в борьбе существования находится под влиянием подобного порабощения, а равно и со стороны ее сына". (А сыну-то 13 лет!)
>
> — „Настоящее выдано на предмет предъявления такового инстанционно на изъятие просьб о праве жительства, как общей массы деревни".

„Высокая политика", тоже как будто не чужда сельским работникам; так—

> На одном из сельских сходов был поставлен вопрос:
>
> — О международном положении района.
>
> Не думайте, что в резолюции был протест против событий в Китае, или войны в Марокко. Нет, просто *„воспретить крестьянину Гаврюхину выпускать свиней на огороды своих ближних соседей"*.

Вывод: в Смоленскую глушь за 8 лет революции еще не проник ни один благотворный луч из Смоленского Губполитпросвета.

Пора, товарищи!

ЖЕРТВА ЭГОИЗМА

Томское „Красное Знамя" рассказывает о полезной работе шефов железнодорожников:

> В подшефной деревне Богашево драмкружок ст. Томск I ставил пьесу «Жертвы эгоизма». Пьеса сама по себе очень хорошая и содержательная, но драмкружок оказался очень плох. Участвующий в главной роли т. Любанов *хватил до того самогону*, что *не давал себе отчета, что говорил*. Крестьяне, сидевшие в зале, недоумевали и не понимали артиста, а он *до того дошел, что не заметил, как у него брюки расстегнулись и чуть не свалились*. А второй артист т. Лобачевский совершенно не знал роли и пер всякую чушь. Если такие шефы будут ездить в подшефную деревню, то вместо благодарности от крестьян получат по шее.

Бедные „богашевцы" стали жертвой эгоизма... главного действующего лица: сам, подлец, нализался, а зрителей не угостил. Выпили бы зрители с драмкружком и не заметили бы, что шеф их никуда не годится. А теперь, шалишь, за версту не подъедешь: семафор закрыт.

ГУБВНУТОРГСКОЕ НАРЕЧИЕ

На нем объясняются туземцы племени Губвнуторга, живущего на берегу реки Волги в районе города Ульяновск. „Пролетарский Путь" (№ 161) печатает следующий документ на Губвнуторгском языке:—

> *В Губфо.*
>
> По имеющимся у нас сведениям о нарушениях обязательных постановлений Ульгика о торговле на сельской *перефериu* нашей губернии и ввиду того, что торговая инспекция никак не может охватить таковую целиком своим непосредственным наблюдением, губвнуторг настоящим просит *усугубить на то внимание вашего аппарата на местах, в пределах компетенции и о нарушениях носящих более постоянный характер тем паче если которые вызываются коньюктурным требованием рынка или местности, вообще теми или иными объективными условиями*, сообщать губвнуторгу для дальнейшей разработки по данному вопросу—нарушениях.
>
> О получении сего и принятых вами мерах сообщите.

Недаром тот же „Пролетарский Путь" сообщает об одном постановлении Губисполкома об определении амбулаторного приема в Губсовбольнице!

> К этому решению было добавлено в качестве пожелания очень невинное дополнение, говорящее о том, чтобы решение президиума было, обязательно, широко опубликовано в газете и в специальных объявлениях и при том опубликовано *на русском языке*.

Предусмотрительный Исполком—в Ульяновске: глядит в оба, а то чего доброго по губвнуторгски напишут. Переводчика нанимать придется.

А бюджет, граждане,—жесткий!...

ПРАЗДНИК КООПЕРАЦИИ

— оказался праздником и для частных торговцев в с. Людиново, Брянской губ. „Бр. рабочий" пишет:

> Уродливо отпраздновали международный день кооперации людиновские кооператоры. В день празднования *они закрыли три кооперативных лавки и ларек, что частным торговцам было на руку*. В понедельник кооператоры тоже не торговали, чем опять таки обрадовали частных торговцев.

В первый раз деятельность кооператива была одобрена частным капиталом. Единение было полное: „и на нашей улице праздник"—говорили расторопные лавочники.

ВЕНТИЛЯТОР

В Ростовской газете „Молот" читаем заметку:—

> Совещание при окрвнуторге 8 июля с. г. постановило немедленно закрыть морозовский сельхозсоюз.

В чем дело?—спросит неподготовленный читатель. А в том, что—

> Результаты всех операций—дефицит около 400.000 руб.,

Но зато

> кабинет председателя союза был *обставлен шикарно там же имелся вентилятор на столе преда*, чтобы не было жарко от непосильных трудов...

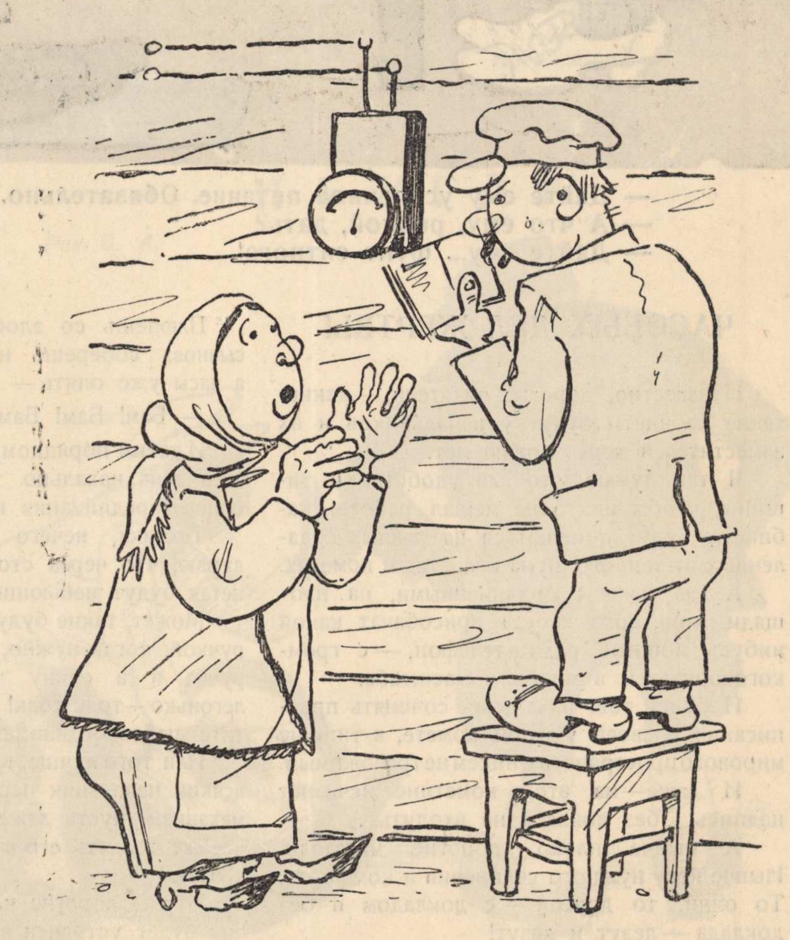
Чувствовал председатель нездоровую атмосферу в сельхозсоюзе потому и вентилятор оборудовал для очищения воздуха.

Но разве может помочь вентилятор, если не воздух чистить надо, а Правление?!

Так и сделали.

СВЕТУ БЫ!

Рис. Н. Э. Электрификация деревни развивается.

Агент электротока: **Ваш счетчик показывает 100 гектоуатт-часов!**

Старуха-крестьянка: **Врет он, окаянный, всё! Никогда у нас стольких часов и не было. Была одна пара с кукушкой, и тую в налог отдали.**

НА СВОЙ АРШИН

Заработная плата деревенских лечебников граничит с нищенством, и медицинский работник не может активно бороться с болезнями среди крестьянства.

Рис. Н. Радлова

— Дайте ему усиленное питание. Обязательно.
— А что ему, родной, дать?
— Дайте ему... фунт ситного!

ЧАСОВЫХ ДЕЛ ЖЕРТВЫ

Неизвестно, дорогие читатели, — какие-такие кабинеты будут у начальников и их заместителей через сотню лет.

Я так думаю, что для удобства и тишины, чтобы никто не мешал работе, кабинеты будут помещаться на разных отдаленных от земного шума планетах и кометах.

А для связи с подчиненными, на площади кометного хвоста присобачат какой нибудь мощный радио-телефон, — с громкоговорителем в мировом масштабе.

И будет тов. начальник сочинять предписания в своей уютной комете, в тишине мирового пространства, никем не тревожимый.

И даже — на этой кометине исчезнет надпись: „без доклада не входить“.

А нынче плохо, дорогие читатели. Нынче нету нужного уединения и комфорта. То один, то другой — с докладом и без доклада — лезут и лезут!

Мало того. Часы, например, — которые на стенке. Чорт догадал сделать их с боем.

Только сосредоточишься над бумажкой, как они уже и рады стараться:

— Бам! Бам!

Плюнешь со злости куда глаза гядят, сызнова соберешь над бумажкой мысли, а часы уже опять —

— Бам! Бам! Бам!

И таким порядком, — чтоб им лопнуть! — весь день нахально трескают по-уху. Ни одного предписания не дадут обмозговать.

Техника, нечего сказать! я все-таки думаю, что через сто лет и часы в кабинетах будут небьющие.

Может, такие будут часы — с деликатной ручкой: когда нужно, высунется из середки ручка и в спину товарища начальника легонько — толк-толк! Мол, товарищ, обратите любезное внимание: время-деньги.

Или того лучше: кашляющие часики. Не всякий начальник перенесет, если часовой механизм, пусть даже деликатно, но будет все же толкать его в спину. Иной за обиду сочтет.

И вот, дорогие читатели, этот недостаток будет устранен в кашляющих часах.

В самом деле, на что же обижаться, если часы, вместо битья или толчков, будут привлекать внимание этаким осторожным и почтительным покашливанием со стены:

— Кхе-кхе!

Вполне прилично и допустимо.

А что в таких часах назрела потребность, мы можем судить по следующему неподдельному документу:

> Служебная записка № 1536
>
> 22 дня 1925 года.
>
> ШЧ-II Краснодар.
>
> Прошу распоряжения в стенных часах в кабинете Н-ка отд. сл. эксплоатации и его помощника выключить звонки, отбивающие часы, так как звон часов мешает сосредоточиться в работе.
>
> *За ДН-5 Жиромский*
>
> *За ДНК Пащенко*

Ив. Пр.

АРИФМЕТИКА

— Какой № галош носите?

— 348-ой!

— То-есть, как?

— Очень просто: возле гардероба в театре номерок 348-ой валялся, вот по ему я эти галоши и получил.

ПОДУМАТЬ НАДО

Эпидемия растрат растет.
Горький факт.

Имена растратчиков, а равно всех нерях в области финансов должно публиковать в печати.
Предложение газеты „Труд“

И мы, и мы стоим за гласность! Взвивайся, плеть! Труба, греми!
Но—здесь угроза! Здесь—опасность! Здесь—гибель прессы, чорт возьми!

Теперь—газета, как газета... Передовица. Ряд статей:
„О выработке маркизета“. „О беспризорности детей“.

Пожары. Кражи. Катастрофы. Смерть от несвежих пирожков.
Театр. Кино. И даже строфы юмористических стишков.

И только после—нонпарелью—без патетических высот:
Кассир. Бухгалтер. Зав-артелью. Пятьсот. Четыреста. Семьсот.

Теперь—газета, как газета... Но, потеснившись для растрат—
Сначала вытурят поэта. Потом—пожар. Потом—парад.

Потом сведут к полстрочке кражи. Потом к полслову спорт и суд.
Потом отдел „Всегда на Страже“ к петитной дряни отнесут.

Потом—как горькая вдовица, в бессилии немой тоски—
Сойдет на нет передовица. И вымрут передовики.

И, разделяя участь хлама, в конце концов—в конце концов—
Сама развязная реклама исчезнет прочно со столбцов.

Читатель в ужасе завоет, успехам гласности не рад:
Все захлестнет, поднимет, смоет, волна хищений и растрат!

И, ах!—под грузом неприятным решенья горшей из задач—
Не станет-ли „Листком Растратным“ оптимистический „Смехач“?!

А. д'Актиль

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

ХОЗРАСЧЕТ

В отделе физкультуры газеты „Труд“ (165) читаем красочно описанный отчет о футбольных состязаниях между металлистами Ленинграда и Москвы:

> Футбольная игра и на этот раз не обошлась без очередной жертвы. Прекрасный ленинградский голкипер получил *сильный удар* в челюстную кость. Это взволновало и участников матча и зрителей. Но через 15 минут пострадавший возвратился—он отделался только *сильными ушибами*. Огромная аудитория была успокоена и обрадована извещением об этом по радио.

Кажется, нечего здесь радоваться, хотя бы и по радио.

УЮТ

В газете „Труд“ (174) некто С. К. пишет про Тамбовский дом отдыха:

> Комнаты маленькие, заставлены койками, уюта никакого, *помещение переполнено*, Даже *на чердаке и в сарайчике ютятся отдыхающие и прислуга.*

А через пять строк ниже:

> Сонная тишь, сонно идет работа.
> Дом отдыха *расчитан на 31 человека, а находится там всего 19.*
>
> Союзы не заботятся, не выделяют нуждающихся.

Значит для полного уюта еще 31—19=12 человек не хватает! Не иначе, что со сна только и можно писать этакие заметки!

ТАРАБАРЩИНА

„Пей из ковша, а мера душа“—говорит пословица. Но если пить из „Ковша“ (№ 2, альманах Ленгиза), то и захлебнуться можно, даже и при душе высшей меры. В рассказе „Васка“ автор Строкин преподносит такие перлы:

— „Меня замел милюк один с самогоном в живопырке. Ну и дуру в нос, что б за ним хрял“...

Или:

„Клява дым в зубы, стуканец из-за пояса перескал в шкировый карман и скок на водосточную трубу“.

И дальше:

— „Да только—скок Гнуч к Васке: „Сойди!“—Ож зазвенено и блесь на всех шабором.—Удохает“...

Ох, этак недолго и читателя удокаешь! Возьмет он тогда стуканец из-за пояса и поднесет дуру под нос: не пиши, дескать, так непонятно!

ПРЕДМЕТЫ ПЕРВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ

До сих пор мы не знали, что врачи и средний медперсонал—совсем не люди, а предметы.

Но вот прочли в „Трудовой Газете“ (г. Алатырь):

> ПО ОТДЕЛЕНИЮ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ:
> 5) Отмечая недостаток врачей и медперсонала *и других предметов*, принять меры к их пополнению.

Если это написано не стулом или буфетом, а живым человеком,—рекомендуем ему предмет первой необходимости—грамматику.

ПЕРСТАМИ „ЛЕГКИМИ, КАК СОН“

Сейчас сезон путешествий по Волге. Плывут журналисты и, соприкоснувшись с волжской водой, начинают очень поэтично журчать, изливаясь путевыми очерками.

Журчит в „Красной Газете“ Е. Лаганский насчет Новороссийского цементного завода „Пролетарий“:

> Там—грохот, оглушительный треск, сотрясение всего бетонного корпуса здания *и серая, густая, нежная, как зефир, пухлая, как перина, цементная пыль.*

Ах, зачем завод называется „Пролетарий“, а не „Гвадалквивир“.

Тогда бы катай про него стишками:

> Ночной зефир
> Струит эфир.
> Шумит, бежит «Гвадалквивир».

Хорошая муза у Лаганского—пухлая, как перина, нежная, как сон ихтиозавра.

ПАДЕНИЕ НА НОС

Не менее поэтичные места находим в той же газете, в отделе „По народным судам“:

> Она чистосердечно рассказывает все, и про безработицу, и про нужду, только про сердце свое, про испуганное буйными кудрями, молчит. И когда ей читают приговор, она надувает губки, и безнадежная слеза падает ей на нос...

Откуда-ж, однако, падает? Не с потолка-ли? Потому что мудрено слезе упасть из глаза на нос.

НА УГЛУ

Рис. Б. А.

— Дороговаты у тебя конверты...

— А вы, значит, хотели б, чтоб вам задаром да еще чтобы в каждом зарплата лежала?

ОТДЫХ — ПУЩЕ НЕВОЛИ

В Москве создан показательный дом отдыха имени Свердлова. Его задача — на практике изучить, какими методами лучше всего восстановить силы отдыхающих во время отпусков.

Рис. Ив. Малютина

— Куда теперь?

— Погоди, дай взглянуть в расписание. Грязи — было! Углекислые — было! Холодный душ — было! А теперь вдыхание озона идет, а как его сделать — не пойму, как больной воопче ничем не дышит.

МЕТРО-ЗАСКОК

Иркутская газета „Власть Труда“ перешла на метрические меры, но смотрите, как она расправилась с ними собственной властью в № 164-м:

ВЫРЕЖЬ И СОХРАНИ

> ПЕРЕВОД РУССКИХ МЕР В МЕТРИЧЕСКИЕ
> (В округлении)
>
> **МЕРЫ ВЕСА**
>
> 1 фунт — 409 килограммов
> 1 пуд — 16 килограмов и 38 грамм.
>
> **МЕРЫ ОБЪЕМА**
>
> 1 четверь — 2 литра
> 1 ведро — 12 литров.

Ну-ну! Ловко: по-иркутски выходит, в фунте — 20 слишком пудов, а в ведре — 6 четвертей.

В этакое округление и круглый дурак не поверит.

МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ

„Солнце всходит и заходит“, не зная, какого календаря придерживаться: — Госиздатовского, или С.-З. Обл. Промбюро.

Например, 2 августа — восход солнца по Госиздату — в 3 час. 42 м., а по Промбюро — в 4 ч. 05 м; Госзаход — в 20 ч. 06 м., а Промзаход — в 20 ч. 31 м.

Таким порядком, Госдень короче Промдня на 48 минут.

Зато, Госкалендарь спешит дать в этот день на обороте листка очень интересный и полезный для трудящихся материал:

> МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ
>
> Мыльный пузырь — самое хрупкое, самое непрочное сооружение рук человеческих. Но прогресс коснулся и его. Американцы нашли способ делать мыльные пузыри более прочными...
> (Дальше следует подробное описание).

Спешим заметить, почтенный Госиздат, что, с утилитарной точки зрения, вашему календарю лучше бы уподобиться менее прочному (кустарному русскому) мыльному пузырю.

То-есть, — лопнуть возможно скорее.

НЕБРЕЖНОСТЬ ЯЗЫКА

Черпаем из „Ковша“ (кн. II-я, стр. 139):

> В ней была *та* очаровательная небрежность и, пожалуй, даже неряшливость русской женщины, *которая* вскакивает поутру с постели и, немытая, в войлочных туфлях на босу ногу, возится по хозяйству.

Правильно! Еще-бы не очаровательна небрежность, вскакивающая с постели, чтобы возиться по хозяйству!

Великий русский язык, долго-ли запутаться в твоих просторах?!

КРЫМСКИЙ ТАБАК

Феодосийская газета „Рабочий и Крестьянин“ в заметке „Как живет наша подшефная“ рассказывает:

> В Сейт-Эли находится сельсовет в составе 11 человек. Из них членов партии — 3, членов СЛКСМ — 1, беспартийных крестьян — 7, 1 женщина и 1 татарин.

Скажите на милость! Оказывается, граждане в Крыму делятся на партийных, беспартийных, *женщин и татар.*

Ай, да ну! А еще Крым хвалится табаком.

Этакое дело, действительно, табак!

МАНДАТ НА БЕЗГРАМОТНОСТЬ

В последнее время провинциальная пресса наводнена потрясающей макулатурой, именуемой Советским авантюрным романом. Среди прочих перлов этого рода литературы нами открыт роман Амского и Гольдмана „Мандат на Мир“, печатаемый в Донбассе, в газете „Диктатура Труда“. Вот отрывки:

> Париж выбрасывал с вокзалов длинные поездные *гусеницы,*

и далее:

> И солдаты, угрюмо затаив злобу, потянулись длинными *гусеницами* сквозь строй броневиков, к стоящим на путях длинным, как *гусеницы,* составам.

Авторы, очевидно, считают „гусеничную передачу“ наиболее удобным способом передвижения по строчкам.

Оставив солдат, „романисты“ берутся за аэропланы:

> Журавлиными стаями над поездами — в аэропланы, дежурные аэромобили, то идущие по земле, то плавно взвивающиеся вверх.

На этот раз хватит. Остается пожалеть, что некоторые авторы продолжают ползать по редакциям, вместо того, чтобы раз навсегда „плавно взвиться“ со страниц провинциальной печати.

СТОЛКНОВЕНИЕ

— Ах, ты, деревенщина! —
Сказала столичная женщина,
Когда тетка Аглая,
Всех барынь облаяв,
Заявила ей лично,
Что неприлично
Валяться на пляже
Без трусиков даже.

М. Тименс

ТЕМНОТА

(Рассказ в самом новом стиле).

Васька парень был аховый: сколько дамочек и прочих ратозеев после его визитов у трамвайных остановок и вокзальных касс ахали.

— Ах, моя сумочка!... Ах, где же мои часы и покупки?...

Было ему 14 лет, и за душою имел он уже 5 приводов и 9 побегов из дефективного дома.

Семь часов вечера. Багрянец заката отражается в сотнях окон домов, создавая картину пламени. Звенят трамваи, кричат мальчишки-газетчики. Васька прогуливается около большого дома, с каменными львами у подъезда, и ждет, когда из квартиры № 13 уйдет артист Кошкин.

Эту квартиру он знает хорошо, знает, что артист живет один и каждый вечер уходит петь. Стало быть—дело верное. Все же Васька волнуется, то-и-дело оправляет клетчатую, как шахматная доска, кепку и ощупывает в кармане верного друга—фомку. Для проверки он вчера даже заходил днем к артисту.

— С этой квартиры—сказал он Кошкину, открывшему на его звонок дверь,—на рынке давеча гражданка велела зайти, чтоб каки-то вещи до вокзалу поднести.

— Не сюда ты попал—сказал артист—я один живу, нет здесь никаких гражданок...

— А как же: у ей левый глаз косой, как у зайца и платок серый...

— Нет, нет!... Нет тут таких!...

В восемь, наконец, ушел артист, и Васька, обождав еще с полчаса, прошел по парадной лестнице и позвонил к артисту: никого. Прошел по черному ходу и, озираясь, открыл фомкой заднюю дверь. Вошел в кухню: никого, только большой черный кот сидел на столе и лакал из человечьего стакана молоко. Васька кашлянул, прислушался и пхнул кота.

— Пшел!—сказал он негромко, подбадривая этим себя.—Расселся тут!... Тут, может, водопроводчики пришли насчет осмотру...

— Никого что ль нет?—Прибавил он громче и, не услыхав ответа, прошел на цыпочках в столовую. Никого!

Васька принялся за очистку письменного стола и буфета.

Загребал ложки, портсигары, какие-то сумочки и совал все по карманам и за пазуху.

— Тут, может, насчет счетчику пришли—бормотал он.—А тут дома никого нет, это как понимать надо?..

Вдруг, из спальни послышался невнятно что-то говоривший голос артиста. В ужасе Васька отскочил от буфета и со звоном уронил большую суповую серебряную ложку.

— По парадному, значит, вернулся?—мелькнуло у него в башке.

И в тот же миг артист закричал из спальни:

— Что, попался, парень?! Долго ж ты гулял?!

Васька, рассыпая сумочки, ложки и вилки, бросился вон и очумелым выскочил на лестницу. Артист что-то кричал вслед и, казалось, бежал вдогонку. В первом этаже Ваську сцапал дворник, случайно шедший с мусорным ведром. В ужасе от всего случившегося, Васька даже не сопротивлялся и только, напустив на свое веснушчатое лицо осень, заревел:

— Чего хапаешь?... Мне это сам хозяин дал... Артист дал..

— Какой это артист?...—Спросил подошедший к дворнику жилец из 7 номера.

— Ка-кой... — плаксиво тянул Васька — Ко-ошкин...

Ваську привели обратно в квартиру: Кошкина дома не было и только радио-приемник, стоявший в спальне, передавал в радио-концерте Кошкинский голос, уже певший новый романс.

— Дык, как же?... Протянул в изумлении Васька.—Он сам закричал давеча. Что, грит, попался парень, долго, грит, ты гулял.

— Известный романс это, кажется, гражданина Глинки—рассмеялся жилец из 7 номера.—А ты, значит, и испугался?... Ттемнота!...

— Стало быть, это труба как у Гостиного двора... —сказал Васька и от обиды на свою трусость из-за какой-то трубы, он остервенело плюнул на жильцовский ботинок и сказал дворнику:

— Веди, что ли!... Чего буркалы выпятил?!.

В дверях уже стояла ужасная толпа жильцов и целилась поколотить Ваську.

Вл. Тоболяков

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА“

Адрес для литературной корреспонденции — Ленинград, Пр. Володарского, 53-а. Рукописи, непринятые к печати, редакцией не сохраняются. По всем вопросам, связанным с неаккуратной доставкой журнала, подписчикам надлежит обращаться по месту подписки: Москва, Солянка 12, Дворец Труда, Главная Контора, или Ленинград, пр. Володарского, 53а, Отделение Конторы.

Всем нашим читателям, приславшим анкеты.

Благодарим. Просим и впредь не разрывать смычки с журналом и слать нам свои впечатления о прочитанном очередном номере, указывая что понравилось в тексте и рисунках и что нет,

Чушкетово, Вольному и Невольному. Кто из вас двоих подбирал рифмы в стихах? Вероятно, Вольный—уж очень вольные рифмы.

Присланная проза тоже слаба: и в ней много грехов, вольных и невольных.

Хабаровск. Гантуссуру. Вы пишете:

Твоя походка, взор невинный
Туманят *ум в мозгу моем.*

Излишне—указывать точный адрес вашего ума. Разве опасаетесь, что будут искать его этажом ниже?

Вторые стихи:

Ночь прекрасна, тиха,
Сердце радует она,
Наслаждается,
Ясно светит луна,
На Большанке толпа
Все шатается...
Кой-когда, иногда
Твоя жинка слегка
Забавляется...
Мерно в ногу идя,
Глазки строит она,—
Улыбается...
Вот уж скрылась луна,
Недалеко до утра—
Возвращается...

Не хватает конца:

И за эти грехи—
В преплохие стихи
Попадается.

Лабинская, Н. Гончарову. „Протухшие мечты“ написаны на тему того же качества. Давайте более свежий товар.

Самара, А. Н—у. «Прошу не отвечать в почтовом ящике»... Ладно,—молчим.

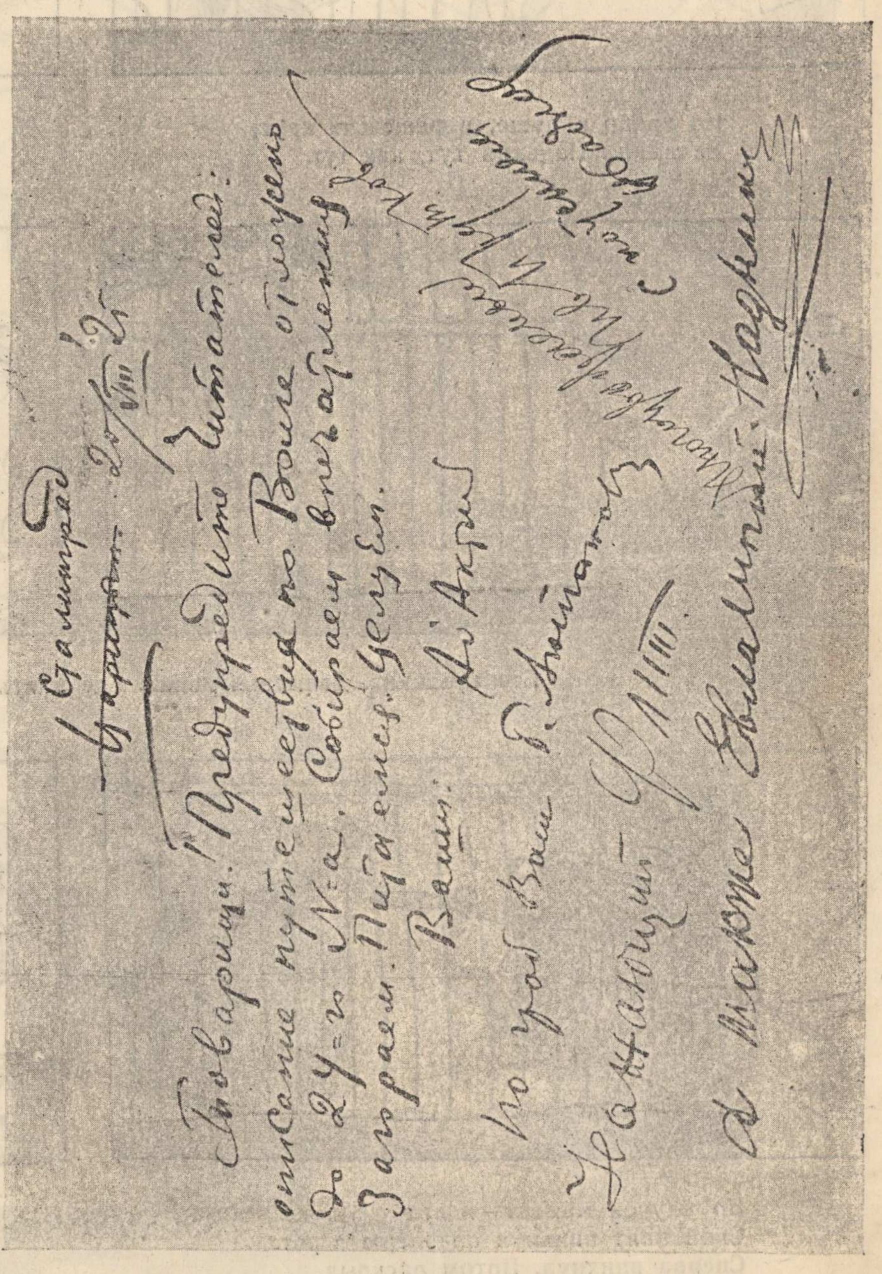
Ленинград, „Ноге“. Не ошибемся, если скажем: Ногой написано.

Там-же, М. У. Хомору. О календарях взяли.

Воронеж, Евгр. Д. Книжка пойдет.

Пр.

— Да! Ведь в этом №-е должно было путешествие по Волге быть! Нету в этом №-е путешествия. Не написано еще. В доказательство - открытка.

Сталинград
~~Царицын~~ 20/VIII 25

Товарищи! Предупредите читателей:
описание путешествия по Волге отложено
до 24-го №-а. Собираем впечатления.
Загораем. Питаемся. Целуем.
Ваши: [illegible]
[illegible]
[illegible]
А также Евлампий Надеждин
С почтением [illegible]

Издатель: „ГУДОК“ Ответственный редактор А. С. Андрейчик

Ленинградский Гублит. № 16730 Типография „Инвалид Печатник“, Ленинград, Улица Войнова, 26. Тираж 60.000.

ЕВЛАМПИЙ НАДЬКИН—УКРОТИТЕЛЬ ЛЬВОВ

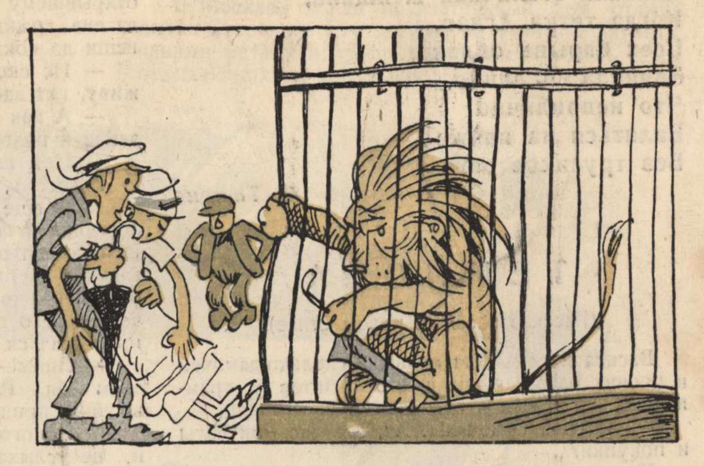
Текст А. д'Актиля

Рис. Б. Антоновского

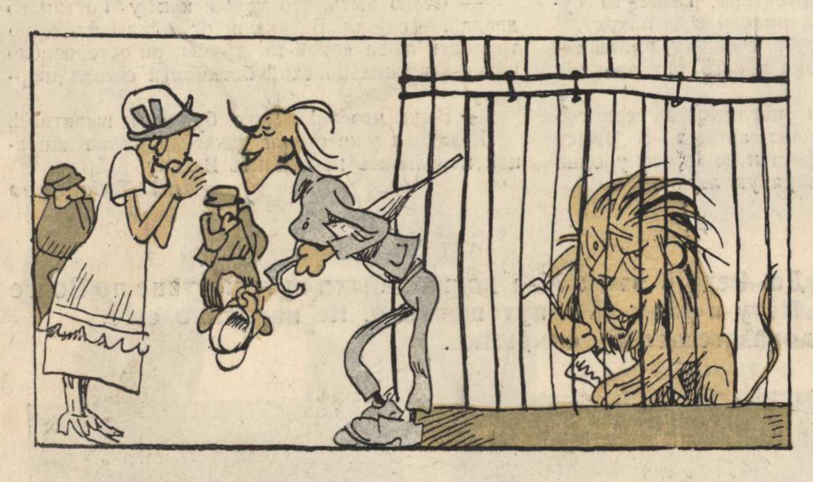

Ах, у хорошеньких девиц
Наивным шуткам нет границ:

Сама от страха чуть жива—
А тоже—гляньте!—дразнит льва!

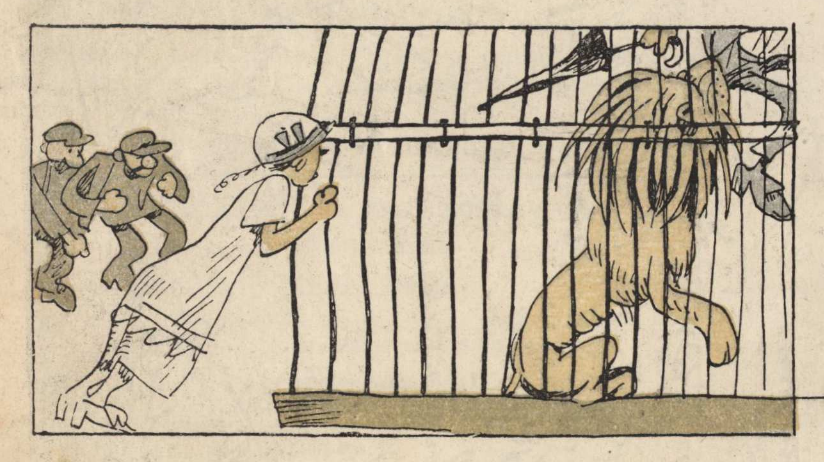
Ах! Дурно! По́плыл горизонт...
Лев зарычал—и сцапал зонт.

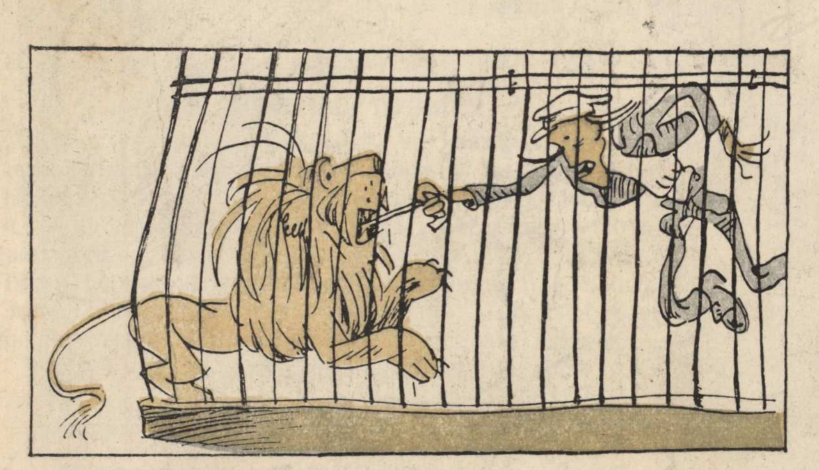
Но храбр в душе, в решеньях крут,
Евлампий Надькин тут, как тут.

Евлампий струсит? Чорта-с два!
Момент—и Надькин в клетке льва.

Его прыжки... Движенья льва... Где взять нам краски и слова?

Но улучен момент—и вот
Свой зонт впихнул он зверю в рот.
Сперва впихнул. Потом раскрыл.
О, лев, где твой звериный пыл?!

Как сохранить тут тыл и фронт,
Когда внутри—раскрытый зонт?
Зато вперед свирепый лев—
Врешь? обижать не станет дев!